

ВСТУПЛЕНИЕ

При изучении, с начала в 1990-х гг., «Русской Италии», нельзя было пройти мимо замечательного семейства Лоховых. Первым, в архивах православного храма во Флоренции, встретилось имя Марии Митрофановны Лоховой: в трудные послевоенные времена, когда благотворительница княгиня Мария Павловна Абамелек-Лазарева, урожд. княжна Демидова Сан-Донато, отошла от церковных дел и сложила с себя обязанности старосты, Мария Митрофановна заступила на эту должность, будучи выбранной приходским собранием. Православных флорентийцев в 1940-е гг. оставалось совсем немного и новому старосте надо было предпринимать немало усилий, чтобы поддержать затухавшую церковную жизнь.

Однако выяснилось, что несравненно более важной фигурой являлся супруг Марии Митрофановны, Николай Николаевич, также долгожитель «Русской Флоренции». О нем мне рассказывала разного рода истории, похожие на легенды и былины, Нина Адриановна Харкевич (1907–1999), внучка настоятеля церкви протоиерея Владимира Левицкого и дочь регента церковного хора Адриана Ксенофонтовича Харкевича. Она родилась в Италии еще до революции и всю свою долгую жизнь здесь и провела. Нина Адриановна рассказывала о великом и самоотверженном русском мастере, мечтавшем познакомить свою Родину с шедеврами итальянского Возрождения и не сумевшим этого сделать из-за превратностей XX века. Выявились и два адреса: домашний, на Via della Robbia, № 98, и адрес его мастерской, Via degli Artisti, № 6-8, буквально за углом их жилья. Дом на Robbia, где Лоховы жили 35 лет, был однако капитально перестроен и перепродан, а в обоих студийных залах расположились зубоврачебные кабинеты...

Флоренция, Via degli Artisti, №№ 6-8, здание мастерских Н.Н. Лохова.
Фото автора (2016 г.)

Флоренция,
Via della Robbia,
№ 98, дом,
где Лоховы
жили
в 1924-1959 гг.
Фото автора
(2016 г.)

Хорошо сохранившиеся архивы православной общины во Флоренции на Via Leone X о нем ничего не сообщали – он даже не был членом прихода, несмотря на старосту-жену. В своих тогда еще неопубликованных заметках А.К. Харкевич бегло упомянул «незабвенного» Лохова, «с грустью взиравшего на пагубные явления в приходе». Отпевавший его в 1948 г. настоятель храма, протоиерей Иоанн Куракин, в метрической книге проставил интересным образом две профессии: «художник, химик»...

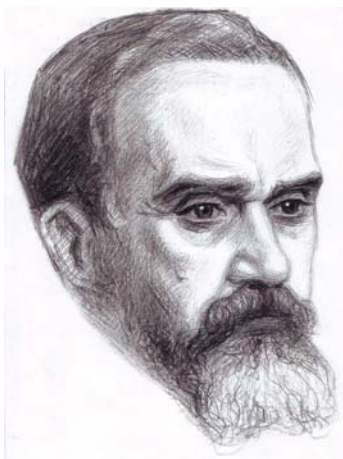
Вопросов было много, ответить на них во Флоренции никто не мог. Однако та же Н.А. Харкевич, щедро помогавшая мне в поисках, сумела найти телефон внука Николая Николаевича и Марии Митрофановны, названного в честь деда Николаем – во флорентийской версии имени, Николо́. Он уже носил итальянскую фамилию – Кручани, и жил в Милане.

Оставалось созвониться и договориться о встрече. Так мы познакомились очно – в середине 1990-х гг., встретившись в кафетерии знаменитой миланской Галереи. Кажется, это стала одной из первых моих бесед на итальянском, в котором еще делал первые шаги. Впрочем, Н. Кручани отлично понимал русский и наше общение сразу заладилась.

Николо затем пригласил меня домой, любезно познакомив с материалами семейного архива, – несколько раз я затем ночевал в его миланской квартире, среди картин его деда, разбирая, конечно, старые письма и фотографии.

Увы, сохранившиеся многочисленные письма его деда, обращенные, в первую очередь, к Марии Митрофановне, прочитать оказалось невозможным – они напоминали клинопись. Николо разъяснил, что еще при жизни Николая Николаевича разбирать его почерк могла лишь его жена. Но нашлось немало других, хорошо читаемых, документов.

Очевидной представлялась ценность двух писем Ивана Цветаева, обращенных к Лохову и проливавших свет на их сотрудничество и вообще на «идею Лохова». При подготовке этих писем Цветаева к публикации я связался и с сотрудниками музея им основанного, московского Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (весьма неудачное посвящение, что особенно заметно на Запа-

Н.Н. Лохов. Автопортрет, карандаш, бумага, 1930-е. Собрание Н. Кручани (Милан)

де, где музей называют просто Пушкинским, «Pushkin Museum»). Пользуясь случаем, поблагодарю Маргариту Борисовну Аксененко, заведующую Отделом рукописей ГМИИ, помогшую тогда в комментировании писем Цветаева к Лохову при их публикации в академическом сборнике¹.

Н. Кручани остался единственным представителем семейства Лоховых, и на базе его домашнего архива удалось реконструировать, в общих чертах, жизнь и творчество Николая Николаевича в эмиграции. Оставалось найти место для публикации подобного биографического очерка: я решил, что это должно быть непременно краеведческое псковское издание. В конце 1990-х гг., во время очередного приезда из Италии, мне удалось побывать в замечательном паломничестве на Псковщину, где местные экскурсоводы указали мне на такое издание, ясно и кратко называвшееся «Псков». Электронной почты тогда еще не было, и я отправил в редакцию журнала ксерокопированные уникальные материалы – фотографии, репродуцированный автопортрет Лохова, портреты жены и дочери. Вышла статья².

Через несколько лет, уже в эпоху Интернета, в Италии возник исследовательский проект «Русские в Италии», с соответствующим порталом в Сети. Там разместили сжатую форму предыдущего биографического очерка³.

Псковскую публикацию о Лохове я отослал в Питтсбургский университет, куда попала коллекция Лохова и с которым

¹ *Талалай М.* Из архива художника Н.Н. Лохова // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М.: Наука, 2003. С. 309–319.

² *Он же.* Человек Возрождения // Псков, 2002. № 16. С. 149–157.

³ Интернет-ресурс «Русские в Италии»: <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=223>

завязалась краткая, но по-американски деловая переписка, закончившаяся приглашением прочитать там лекцию о Лохове. Определенный за лекцию гонорар не позволял, однако, предпринять заокеанское путешествие и лекция в Питтсбурге не состоялась. Казалось бы, лоховская тема исчерпана...

Новый неожиданный поворот: вновь из Пскова, теперь от редактора альманаха «Псковский летописец» Тамары Васильевны Вересовой, приходит предложение. Есть новые материалы, новые тексты, преимущественно, из наследия рижанина Е.Е. Климова, проживавшего в Канаде, и есть возможность еще раз, более подробно, рассказать на родине замечательного мастера, соединив две части его жизни: псковскую и флорентийскую⁴.

Однако новые материалы и после той публикации продолжали обретаться. Теперь возник огромный неизученный пласт – переписка Лоховых с их друзьями, которую обнаружила Тамара Васильевна в архиве московского Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына. И у Николо Кручани в Милане нашлись новые фотографии, письма, интереснейший дневник его матери Лидии Николаевны.

Возникали и прежде неизвестные нам редкие публикации: статья от 1926 г. знаменитого искусствоведа П.П. Муратова, который первым для русской (эмигрантской) публики рассказал о великом проекте Лохова, целая серия текстов другого искусствоведа, князя С.А. Щербатова, дружившего с Николаем Николаевичем, ряд американских статей.

Последним крупным вкладом в документальную основу нашего поиска стал присланный из Нью-Йорка, из Библиотеки Фрик, сканированный архив, посвященный Лохову: переписка основательницы библиотеки Хелен Фрик с самим мастером и с ее разного рода конфидентами, а также документы, связанные как с копированием для меценатки нескольких ренессансных фресок (принимая разъяснения Лохова, не копирование, а реконструкция, «воссоздание» фрески), так и с приобретением коллекции мастера после его смерти, когда великий проект – познакомить соотечественников с верши-

⁴ «Псковский летописец». 2014. №1 (9).

нами европейской живописи приобрел другое направление и материализовался на американской земле, в Питтсбурге.

Стало ясно, что всё это документальное богатство должно получить формат книги – той, которую читатель теперь держит в руках.

Остается приятная обязанность поблагодарить всех, кто участвовал в ее создании: это, в первую очередь, мой соавтор Т.В. Вересова (Москва-Псков) и Николо Кручани (Милан), а также библиотекари Питтсбургского университета Изабелла Чартьер (Chartier) и Зекери Бродт (Brodth); архивист Библиотеки Фрик в Нью-Йорке Джулия Ладвиг (Ludwig); историки искусства М.Б. Аксененко (Москва), С.О. Андросов (С.-Петербург), К.М. Муратова (Рим-Париж), В.О. Халпахчян (Падуя).

*Михаил Талалай,
представитель Института
всеобщей истории РАН в Италии,
Милан,
май 2017 г.*